

Глава 7

Подходящая температура

Десять лет назад Те Хэнцю был лишь неограниченным алмазом, учеником с хорошими задатками.

А сегодня...

Он стал Мо-цзунем?

Те Хэнцю всё ещё не мог прийти в себя.

Он толкнул дверь и посмотрел на небо. Там висел тонкий, как лезвие, серп луны.

Сердце его сжалось. «Сегодня новолуние?»

Он тут же позвал Е Чживэня.

Тот поспешно явился и почтительно поклонился: «Приветствую, Ваше Превосходительство. Чем могу служить?»

«Юэ Бочжи всё ещё нужно принимать Отвар снежной души?» — низким голосом спросил Те Хэнцю.

Услышав, что Те Хэнцю вспомнил об этом, Е Чживэнь обрадовался и тут же, как было велено, ответил: «Конечно. Но сегодняшний ещё не доставили».

«Так почему не несёшь?» — нахмурился Те Хэнцю.

Е Чживэнь поджал губы. «Мне нести? Это всё равно что отправить меня на тот свет».

«Вы говорили, — сказал Е Чживэнь, — что будете доставлять его лично и никому не доверите это дело».

Те Хэнцю не удивился, это было вполне в его духе.

Но он колебался: «Но... захочет ли Юэ Бочжи меня видеть?»

Е Чживэня это всё ужасно раздражало. «Зачем мне участвовать в этом спектакле? Я бы лучше

пошёл в Бездну сражаться с предателями и получил сорок девять ударов в спину, чем вязываться в эту мыльную оперу!»

Е Чживэнь вздохнул, выдавил из себя улыбку и, подняв голову, сказал: «Ваше Превосходительство, неужели вы действительно собираетесь отослать Юэ-цзуня и больше никогда с ним не видаться? Вам правда не будет его не хватать?»

Услышав это, Те Хэнцю замер. «Не будет не хватать?»

Конечно, будет.

Раз уж сорвал луну с небес, то хочется держать её в своём пруду.

Брови Те Хэнцю слегка дрогнули.

Видя его колебания, Е Чживэнь вздохнул с облегчением и добавил: «Ваше Превосходительство, ваша потеря памяти — это, возможно, дар небес, шанс начать всё с чистого листа».

«Думаешь?» — нахмурился Те Хэнцю.

Е Чживэнь, не упуская момента, принёс нефритовую чашу с Отваром снежной души.

Увидев чашу, Те Хэнцю замер. Она была точь-в-точь такой же, как та, в которой он раньше носил лекарство Юэ Бочжи.

«Как... та самая...» — Те Хэнцю протянул руку и коснулся гладкой поверхности чаши. Тепло отвара передалось его пальцам, и место на груди, где раньше был ожог, снова заняло.

Помолчав, он наконец решился, взял чашу и тихо сказал: «Хорошо, я отнесу сам».

Е Чживэнь, словно получив помилование, просиял и потёр затылок, радуясь, что голова всё ещё на плечах.

Он тут же отступил в сторону, провожая взглядом Те Хэнцю, который направился к покоям Юэ Бочжи.

Те Хэнцю шёл по тёмной тропе.

В конце её виднелся павильон, где жил Юэ Бочжи. В окне горел свет, похожий на светлячка, словно безмолвно говоря: там — единственное место, куда можно пойти в этой тьме.

Глядя на этот огонёк, он инстинктивно прижал чашу к груди. Тепло проникало сквозь нефрит.

Горячо.

Он опустил глаза. «Будет слишком горячо?»

Он остановился, осторожно приподнял крышку. Горячий пар ударил в лицо.

Он хотел, чтобы отвар немного остыл, но боялся, что тот потеряет свои целебные свойства.

Поколебавшись, он всё же закрыл крышку и пошёл дальше.

«Теперь я не бедный мечник, у которого есть только одна чаша отвара, чтобы произвести впечатление, — подумал он. — Если Юэ Бочжи скажет, что горячо, я остужу. Если скажет, что холодно, сварю новый».

Подойдя к павильольону, Те Хэнцю тихо постучал.

Фонарь у входа качнулся на ветру, отбрасывая тусклый свет, но изнутри не доносилось ни звука.

Он набрал в грудь воздуха и громко сказал: «Юэ-цзунь, это я. Можно войти?»

Ответа не последовало.

Те Хэнцю почувствовал досаду, но, зная холодный нрав Юэ Бочжи, не осмелился настаивать, боясь разозлить его ещё больше.

Постояв у двери, он снова тихо сказал: «Боюсь, отвар остынет».

Внутри по-прежнему царил тишина, словно его слова поглотила ночная тьма.

Он вздохнул и с ноткой отчаяния произнёс: «Тогда я оставляю его у двери».

С этими словами он наклонился и осторожно поставил чашу на каменные ступени.

Когда он выпрямился, чтобы уйти, дверь со скрипом приоткрылась, словно поддавшись порыву ночного ветра.

Из щели пробивался слабый свет, падая на лицо Те Хэнцю.

Он замер и заглянул внутрь, но в полумраке не смог разглядеть Юэ Бочжи.

«Я вхожу», — тихо сказал он, стоя у двери.

Он поднял Отвар снежной души и переступил порог. Чаша в его руках всё ещё была тёплой, и от этого на сердце стало немного теплее.

Внутри царил тишина, лишь ветер тихо шелестел за окном.

Те Хэнцю обвёл взглядом тёмную комнату и наконец увидел знакомый силуэт у окна.

Юэ Бочжи стоял к нему спиной, держа в руках свиток, и, казалось, совершенно не замечал его присутствия.

Те Хэнцю постоял немного, и, видя, что Юэ Бочжи не реагирует, осторожно шагнул вперёд и тихо сказал: «Я увидел, что дверь открыта, и вошёл. Надеюсь, я не помешал?»

Юэ Бочжи, всё так же стоя спиной, лениво произнёс: «Мо-цзунь шутит. Это ваш дворец, разве какая-то дверь может вас остановить?»

Услышав его язвительный тон, Те Хэнцю не обиделся, а наоборот, нашёл это забавным.

Высокомерный и недоступный Юэ Бочжи, которого он помнил, никогда не говорил так много, да ещё и с такой злостью.

Обычно люди злятся, когда бессильны.

Он, Те Хэнцю, заставил могущественного Юэ Бочжи почувствовать себя бессильным?

Он... смог?

Неужели он действительно стал непобедимым Мо-цзунем?

Неужели он стал настолько силён, что может делать с Юэ Бочжи всё, что захочет?

Если он, Мо-цзунь, решит действовать, Юэ-цзуню останется лишь покориться?

Правда?

Он слегка приподнял бровь, его взгляд с любопытством скользнул по спине Юэ Бочжи, пытаясь угадать его истинные чувства за этим внешним спокойствием.

«Ты не хотел меня видеть, а я ворвался, — сказал Те Хэнцю, прощупывая почву. — Наверное, я тебя разозлил?»

Услышав это, Юэ Бочжи замер, но не обернулся, лишь равнодушно бросил: «Когда это Мо-цзуня волновало моё мнение? Сегодня вы удивительно любезны».

«Возможно, это из-за потери памяти, — улыбнулся Те Хэнцю. — Многое забыл, зато научился осторожности».

Юэ Бочжи наконец обернулся и холодно взглянул на него: «Зачем Мо-цзунь пришёл сегодня?»

Те Хэнцю осторожно поставил чашу на стол и тихо сказал: «Отвар снежной души. Я принёс его вам».

Юэ Бочжи оперся на подоконник. От чаши поднимался пар, окутывая его лицо лёгкой дымкой.

Те Хэнцю с притворной робостью сказал: «Даже если вы злитесь, не стоит пренебрегать своим здоровьем. Лекарство нужно принимать».

С этими словами он открыл крышку и подвинул чашу к Юэ Бочжи: «Если горячо, можете остудить».

Взгляд Юэ Бочжи скользнул вниз, заметив у Те Хэнцю под распахнутым воротником смутный след от ожога.

Юэ Бочжи, как бы невзначай, отвёл глаза, взял чашу и сделал глоток.

Те Хэнцю напряжённо следил за ним.

Как только отвар коснулся его губ, брови Юэ Бочжи дрогнули, ресницы затрепетали.

Сердце Те Хэнцю сжалось. «Слишком горячо, да?» — поспешно спросил он.

Юэ Бочжи с невозмутимым видом спокойно ответил: «В самый раз».

Те Хэнцю замер.

Кончик языка Юэ Бочжи был обожжён. «Именно та температура, которую я хотел», — произнёс он.

<http://bllate.org/book/16975/1582169>